

Н. С. Лесков. Детские годы

(Из воспоминаний Меркула Праотцева)

Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 т.
М., Государственное издательство художественной литературы, 1957;
Том 5, с. 279-450.
OCR: sad369 (г. Омск), сентябрь 2004 г.

I

Я думаю, что я должен непременно написать свою повесть, или, лучше сказать, - свою исповедь. Мне это кажется вовсе не потому, чтобы я находил свою жизнь особенно интересною и назидательною. Совсем нет: истории, подобные моей, по частям встречаются во множестве современных романов - и я, может быть, в значении интереса новизны не расскажу ничего такого нового, чего бы не знал или даже не видал читатель, но я буду рассказывать все это не так, как рассказывается в романах, - и это, мне кажется, может составить некоторый интерес, и даже, пожалуй, новость, и даже назидание.

Я не стану усекать одних и раздувать значение других событий: меня к этому не вынуждает искусственная и неестественная форма романа, требующая закругления фабулы и сосредоточения всего около главного центра. В жизни так не бывает. Жизнь человека идет как развивающаяся со скалки хартия, и я ее так просто и буду развивать лентою в предлагаемых мною записках. Кроме того, здесь, может быть, представит некоторый интерес, что эти записки писаны человеком, который не будет жить в то время, когда его записки могут быть доступны для чтения. Автор уже теперь стоит выше всех предрассудков или предвзятых задач всяких партий и направлений и ни с кем не хочет заигрывать; а это, надеюсь, встречается не часто. Я начну свою повесть с детства, с самых первых своих воспоминаний: иначе нельзя. Англичане это прекрасно поняли и давно для осязательного изображения характеров и духа человека начинают свои романы с детства героев и героинь. Ребенок есть тот же человек в миниатюре, которая все увеличивается.

"Дитя - это отец будущего человека", - говорят любящие эффект французы, а здравый смысл наших предков еще глубже и проще выразил это поговоркою: "каков в колыбельку, таков и в могилку".

Итак, прежде чем вы наступите на мою отшельническую могилу, не откажитесь подойти к моей детской колыбели, - иначе, я боюсь, вы, как и другие, будете недоумевать: зачем я очутился в монастырской ограде?

Поэт Бенедиктов, произведениями которого я вдохновлялся в дни моей юности (я был юн тогда, когда еще юноши любили поэзию), однажды напугал меня. Вычитав у него, что "счастье наше" не что иное, как "перл, опущенный на дно", и что "кто лениво влагу тянет и боится, что хмельна", то, "слабый смертный, не достанет он жемчужного зерна", я пленился другим образцом, образцом человека, который, "согрев в душе отвагу, вдруг из чаши дочиста гонит жизненную брагу в распаленные уста". Я с детства уже приспособлялся припасть - и без передышки, без удержа, выпить мою чашу, достать со дна ее заветный перл, и я ее выпил и - слышу над собою:

Вот счастливец! дотянулся;
Чашу разом о земь хлоп...
Браво, браво! оглянулся,
А за ним отверзтый гроб.

Да, это так: за мной отверзтый гроб - и в виду его я обращусь к моей колыбели и попробую расставить легкие вехи для обозначения моих скитальчеств между двумя крайними точками бытия.

Я был странный путник: бодрый, но неудержимо стремящийся вперед, я беспрестанно терял тропу, путался, и когда я хотел поправиться, то выходило, что я не знал, куда повернуть, и еще хуже запутывался. Единственный поворот, сделав который я немножко ориентировался, это - тропа в скит. Только усевшись здесь, в этой старой вышке, где догорает моя